

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РИСКА (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)

Panel Discussion: Philosophical Conception of the Risk

4 сентября 2012 г. на философском факультете в рамках Международной научно-практической конференции «Математическое моделирование в управлении рисками» состоялся круглый стол «Философская концепция риска». В его работе приняли участие представители ведущих саратовских вузов: преподаватели и аспиранты философского факультета СГУ имени Н. Г. Чернышевского, СГТУ имени Ю. А. Гагарина и Поволжского института управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственного управления.

Доклады участников круглого стола были посвящены различным аспектам философского понимания рисков. Были затронуты проблемы соотношения понятий рискового времени и времени риска, вопросы антропологии риска, предложен анализ информационных, экономических, политических и террористических рисков, однако все выступления были объединены поиском ответа на вопрос, в чем состоит специфика философского осмысления риска.

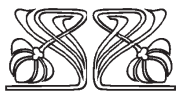
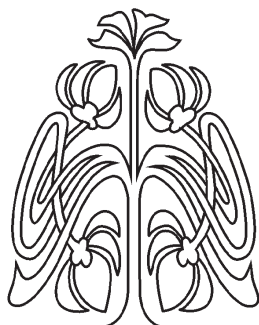
Стремление выявить специфику предмета философии риска было заявлено уже в первом докладе. В своем выступлении «Проблемные поля философской концепции рисков» профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев обратил внимание на значимость философского осмысления социальных рисков. С его точки зрения, в современном обществе риски охватывают практически все сферы жизни индивидов, становятся символами постиндустриального развития. Философия стремится дать свой ответ на вызовы новой эпохи, и в этой связи философская концепция рисков охватывает несколько проблемных полей.

1. Раскрываясь как форма социального мышления, концепция направлена на выявление одной из ведущих тенденций глобализации, порождающей угрозы и опасности для будущего человечества, воплощенной в теоретической модели «глобальное общество риска».

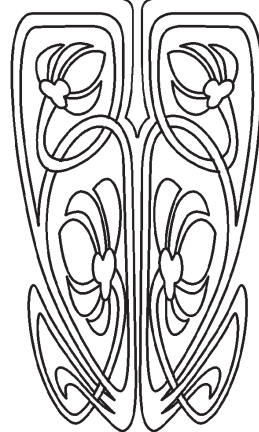
2. Концепция рисков как методологический конструкт раскрывается в диалоге с дисциплинарными (экологическими, социологическими, геополитическими) методологиями рисков, концентрируя внимание ученых на пространственно-временном континууме рисков, на поиске предельно общих механизмов их институализации и минимизации.

3. Превращаясь в элемент управленческой культуры сетевого общества, философская концепция рисков становится необходимым фактором управления сложными многоуровневыми рискогенными системами, где рациональные установки сочетаются с ценностными ориентирами принятия управленческих решений.

4. Становление и развитие философской концепции рисков охватывает несколько состояний, реализуемых в семействе концептов: первоначально появляется *концепт-ценность* как особая мыслительная процедура постижения рискогенных процессов

ПРИЛОЖЕНИЯ

с позиций оценивания, принятого в культуре мышления постиндустриальной эпохи; *концепт-проблема* раскрывает начало философского осмысления рисков с позиций категориального аппарата социальной философии, где интуитивное схватывание смысла рискогенных процессов перерастает в устойчивые понятийные формы, осуществляется исходная философская концептуализация рисков; *концепт-императив* выражает завершение познавательного процесса, появляются четко рефлекслируемые идеи онтологических оснований рискогенных систем, процессов; концепция рисков обретает научный статус, входит в пространство духовной культуры своего времени.

Дальнейшее раскрытие поставленная проблема получила в докладе *профессора, доктора философских наук В. П. Барышкова*, рассмотревшего феномен риска с позиций времени человеческого бытия. Способность к принятию рискованных решений или действию в рискованных условиях, так же как и степень (интенсивность) рисковости заданы, как утверждалось в докладе, некоторыми исходными антропологическими характеристиками человека. Если наличие предпосылок к рискованной деятельности у более или менее значительной части населения совпадает по ритму с некоторым набором социальных условий рискованной эпохи (общества риска), то осуществляется их взаимная синхронизация и формируется системная целостность, в которой ситуация риска является атрибутом повседневности и затрагивает каждого человека. Люди, готовые идти на риск, существовали всегда, но их жизненные ритмы не совпадали с ритмами эпохи, и тогда они оказывались маргиналами. В рисковую эпоху, напротив, такие люди становятся в полном смысле слова – людьми своего времени.

Продолжая онтологическую проблематику, *аспирантка кафедры теоретической и социальной философии Д. М. Соколова* отметила, что сегодня все мы, люди, живущие в рисковую эпоху, являемся очевидцами трансформации социального как такового. Современное общество – это общество переходного типа, в котором зарождаются новые институциональные структуры и социальные феномены, нуждающиеся в изучении. Трансформации, затрагивающие сами основы общественного бытия, настолько глубоки, что в данной связи оправданным представляется введение в научный обиход терминов «меняющаяся» и «новая» социальность. Ситуация становления всегда связана с возникновением различных социальных рисков. Сегодня наряду с экологическими, политическими, экономическими, финансовыми и др. видами рисков все большую угрозу представляют риски коммуникативные, информационные, риски виртуальной среды. При этом традиционные методы управления рисками,

разработанные в рамках социологии риска и практического менеджмента, обнаруживают малую эффективность в силу того, что по большей части их стратегии связаны с перенесением риска и ответственности (или их части) на внешние по отношению к отдельно взятой организации структуры: таковы методы диверсификации риска, трансфера риска и страхования. Однако в рамках глобального социума таковых внешних структур не существует. И в данном контексте перенесение риска с одной части социума на другую невозможно.

Специфика рискованной ситуации, в которой существует современный человек, заключается в том, что он оказывается, если использовать терминологию экзистенциальной философии, заброшенным в мир, в котором не жили предшествующие ему поколения. Он зачастую не знает о риске, угрожающем ему, но всегда испытывает его влияние, и в этом смысле человек не сталкивается с риском, а сживает с ним.

Вопрос о специфике рискованной ситуации современности в процессе обсуждения получил рассмотрение в двух взаимодополняющих ракурсах: с позиции цивилизационного и культурологического подходов. В рамках первого *доцент, кандидат философских наук Д. И. Заров* предложил трактовать понятие цивилизационных рисков как объединяющее в себе целую группу особых социальных рисков, возникших в результате общественного развития. Во-первых, по мнению Д. И. Зарова, к ним относятся риски потери цивилизационной идентичности. Обычно такую ситуацию привычно обозначают как присоединение к той или иной «более развитой» и «прогрессивной» цивилизации. Однако специфика взаимодействия обществ в эпоху глобализации заключается в отсутствии необходимой прямой аннексии территории. Менее обременительными являются экономическая и духовная экспансии с последующей реконструкцией общества в качестве цивилизационной окраины, своего рода «края эйкумены», где уже «не работают» «цивилизационные» законы и предназначение которой – поставка материала для метрополии – центра.

Во-вторых, это – риски разрушения цивилизационного субъекта. Изменение в морали, традициях, навязывание новых моделей и характеристик субъекту развития приводит к возникновению деструктивного субъекта. Существует два вида деструктивного субъекта: первый не способен ничего созидать и склонен к разрушительной деятельности. Второй обладает умением создания некротферы, мертвой «второй природы», противостоящей ноосфере.

В-третьих, следует отметить риск возникновения тотальной системы глобализма, нивелирующей цивилизационные различия. Такая система

навязывает единую религию, единую глобальную светскую власть и единые унифицированные ценности.

В-четвертых, существует противоположный риск – прямого столкновения цивилизаций. Цивилизационные войны – реальность современного общества, которая ранее прикрывалась концепцией столкновения между социализмом и капитализмом, а ныне – борьбой с тоталитарными режимами.

Более глубоко проблема столкновения цивилизаций была раскрыта в докладе *доцента, кандидата философских наук Е. Д. Заровой*, предложившей рассмотреть ситуацию встречи с «Другим» как риск цивилизационного развития. Абсолютно любая цивилизация, отмечалось в выступлении, переживает как состояние относительной стабильности, медленного постепенного накопления изменений, так и революционное, скачкообразное развитие. В последнем случае наблюдается ситуация резкого увеличения возможностей, в том числе в отношении моделей дальнейшего цивилизационного развития. Эти возможности связаны с поиском цивилизацией своего «Я» и необходимостью в его обновлении или корректировке в соответствии с требованиями новой эпохи. С одной стороны, увеличивается риск потерять собственную цивилизационную идентичность и стать «Другим самого себя» либо вообще прекратить существование; с другой стороны, появляются возможности интеграции некоторых аспектов «Другого» с учетом устоявшейся цивилизационной специфики.

В эпоху больших скоростей и быстро развивающейся индустрии высоких технологий меняется и облик цивилизаций, а также самого человека как носителя определенного социокультурного кода; возникают новые проблемы, связанные с: невозможностью приспособиться к быстро изменяющимся условиям существования; отсутствием духовно-ценностной и фактической привязки к определенному государству у больших групп населения; релятивизмом ценностей, моделей поведения и моральных принципов; необходимостью справляться с ежедневно обновляющимися и увеличивающимися потоками информации; увеличением различных видов и способов коммуникации. Все большую популярность приобретает новая, дающая практически неограниченные возможности, виртуальная реальность. Действительность такова, что виртуальный мир в жизни многих людей становится реальнее самой реальности. В свете данных тенденций становится злободневной тема угрозы замещения «Я»-реальности на виртуальную «Другую» реальность, в которой будут существовать свои собственные цивилизации «Востока» и «Запада», «Севера» и «Юга» как собирательные образы, далекие от действительности. Подобная

встреча с «Другим» представляется весьма вероятной при дальнейшем развитии техногенной цивилизации.

В качестве альтернативы такому цивилизационному взаимодействию может быть предложен полноценный, «живой» диалог цивилизаций, считает *ассистент Э. Р. Фахрудинова*, предложившая рассмотреть взаимодействие «Востока» и «Запада» на примере того, какое место занимают традиции Китая в глобальном обществе риска. Философия конфуцианства, отмечалось в докладе, представляет интерес в данном контексте по следующим причинам: во-первых, благодаря актуальности и значительности конфуцианства как синтезирующего и нравственного начала всей китайской культуры; во-вторых, существует этическая доминанта конфуцианства: нравственность и моральные нормы являются единственным источником гармоничного функционирования государства – правления, основанного на гуманности («жэньчжэн»). В-третьих, конфуцианство способно к адекватному восприятию критики и самореформированию. В этой связи следует упомянуть о реформировании конфуцианства в XIX–XX вв. влиятельными китайскими учеными (Кан Ювэй и Лян Цичао), которые переосмыслили морально-нравственные основы конфуцианства с учетом западных концепций и в то же время сохранили преемственность китайским традициям.

Духовные традиции Китая, прежде всего, конфуцианства в условиях глобализации современного мира остаются, несмотря на все идеологические веяния, основанием мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Не только в Китае, но и в других странах Восточной Азии этико-философская доктрина конфуцианства является преобладающей в общественном мнении, и без ее учета весьма трудно другими способами воздействовать на сознание. В условиях глобального общества риска особенно очевидны актуальность и эффективность традиционных конфуцианских ценностей для современного человека.

В противоположность представленному цивилизационному подходу к рассмотрению рисков в выступлениях был озвучен и другой подход – культурологический. В своем докладе *профессор, доктор философских наук Е. В. Листвина* коснулась специфических черт, которые характеризуют рискогенное пространство культуры. К ним, по ее мнению, можно отнести собственно культуру как выход из естественного, синкретического состояния, отличающегося соединением социального и природного начал. Также к ним относятся, по мнению автора, риски: тотальности культуры, вне которой не может состояться личность; моделирования культуры; коммуникации; ассоциирования; интерпретации;

контекстуальности, представленной внешним и внутренним контекстами. Культура является и пространством переживания риска, создавая условия для его понимания и восприятия каждой конкретной культурой. В итоге, Е. В. Листвина пришла к выводу, что риск существовал в культуре как некая изначальная данность и условие развития, атрибут культуры.

Идея рассмотрения риска как части современной культуры была представлена и в других докладах. В частности, *доцент, кандидат философских наук С. М. Фролова* предложила рассматривать риск в качестве фактора повседневности. В своем выступлении она отметила, что риск как устойчивый, а в некоторых случаях – необходимый элемент существования человека давно вписался в структуру повседневной жизни человека и общества. Без риска действия субъекта не могут стать привычными, рутинными и обрести статус безопасных, поскольку уверенность в правильности поступка, любого варианта решений обретается индивидом в процессе повседневной жизнедеятельности посредством «первичной апробации». Только пройдя путь проб и ошибок, экспериментов и разочарований, человеку удается отрегулировать повседневность действий и оправдать этот выбор перед другими членами общества.

Риски в повседневной жизни современного общества стали стереотипизированными и «привычными» настолько, что индивид не замечает их. Даже когда есть возможность уйти от риска, субъект сознательно делает выбор в его пользу, объясняя это тем, что рискнув, можно приобрести хоть малый, но шанс для возвышения (в карьере, зарплате), бездействие может привести к риску быть выбитым из общей массы (рискует все) и утратить возможность обеспечения своего будущего. Таким образом, риск в повседневной жизни будет постоянным ее спутником, поскольку в основе своей обусловлен спецификой внутренней сущности человека.

Будучи постоянным спутником повседневной жизни, риск становится предпосылкой и фактором социального действия. Как отметила *профессор, доктор философских наук О. Ф. Филимонова*, на сегодняшний день практически любое движение в социальном организме включает в себе риск. Если задаться вопросом, какой социальный опыт связан с актом риска, какие ресурсы человека и общества в этом случае оказываются востребованными и задействованными, то можно натолкнуться на многие ответы, однако в целом обозначатся два направления – *романтического* и *драматического* планов.

В первом варианте речь идет о привлекательности, удовольствии риска. Вольное, свободное самоотречение, неустранимость перед лицом смерти, жертва во имя метафизической идеи на-

деляют акт риска положительной нравственной, эстетической и социальной ценностью. Те, для кого интенсивная физическая и духовная жизнь дороже осторожности, потребность рисковать собой не только выступает предпосылкой, своеобразным «толчком» воображения, чувства, активности и действию, но и служит исполнению социальных задач по реализации опасных предприятий и бескорыстных видов деятельности. Результатом свободно признанного соглашения с риском, предполагающего веру в безусловную личную идею, абсолютного жертва в своей возвышенной красоте поднимается на уровень преобразовательной, героической, революционной значимости.

Во втором варианте проблема риска перемещается в область интернационализации и модернизации опасности. Современному обществу трудно вырваться из области риска: его «грозная тень» создается социальным воображением, творится интеллектуально, его отрицательные эффекты порождаются, распространяются и одновременно сдерживаются технологическим развитием. Акт риска не является более ни только внутренним, вольным, свободным самоотречением, но становится порождением социальной саморежиссуры. Риск вынужден, разрешен и желателен. Социальные институты используют и вознаграждают за риск, поскольку видят в нем средство, направленное против современного потребительства, лишённого импульса преобразования. При адекватном нашей эпохе понимании риска обозначается определенная аналогия с театральной драмой, а романтический подход остается принципиально вынесенным за скобки.

Еще одной отличительной чертой культуры общества риска является отсутствие идеологии развития. По мнению *доцента, кандидата философских наук И. А. Абросимовой*, в современной ломке парадигмы социальной реальности в сознании субъекта общественных процессов разрушается представление о движении мира к какой-то заранее предназначенной цели, сознательно выбранной в качестве цели развития общества. В постнеклассической социальной реальности плюрализм целей и ценностей с принципиальной безотносительностью к истине, отрицание высших ценностей, дискредитация устоявших позиций и пропаганда нетрадиционных предпочтений превращают индивидуальные и социальные субъекты в тотальную массу, идущую в никуда. Отсутствие необходимого идеологического осмысления постнеклассической реальности и постмодерна дезориентирует деятельность субъекта развития. Стало невозможно объяснить направленность движения обществ и глобального развития в особенности. Нет понимания, для чего необходима мобилизация деятельных сил и

способностей человека, ради чего можно отдать жизнь, чему можно посвятить служение. Созидательная деятельность значительному числу людей представляется как бессмысленная, важная только для отдельного человека, но не для общества в целом. Формируется представление о развитии общества как бесцельном движении в целом, хотя с целеполаганием в частностях. Определение идеологии развития общества позволит снять существенные деструкции проявления риска в грядущих перспективах.

В дальнейшем участники дискуссии перешли от метатеоретических аспектов изучения риска к рассмотрению конкретных социальных рисков. Профессор, кандидат философских наук Е. Ю. Стриганкова посвятила свой доклад актуальнейшему вопросу о соотношении риска и коммуникации. В социально-философском анализе современного социума акцентируются следующие направления: новое содержание современных коммуникаций, особенности взаимодействий между социальными коммуникативными полями, инновационность коммуникативных систем и коммуникативных стратегий как типов социальных действий; признание беспрецедентной рискогенности информационного социума, актуализация исследования специфики коммуникативных рисков.

Е. Ю. Стриганкова предложила авторскую классификацию современных коммуникативных рисков, включающую: риски информационной перенасыщенности, инструментализации, преобладания стратегической рациональности, информационной маргинальности. В последнем случае суть рискогенной ситуации, особо отмечалось в докладе, заключается в конфликте между формой и содержанием социальной коммуникации: в частности, по форме – проявилась необходимость создания новой социальной структуры коммуникативного пространства, которая способна справиться с эффектом информационной перенасыщенности; по содержанию – обозначилась необходимость «реабилитации» общения в статусе вида коммуникативной деятельности, восстановления экзистенциальной значимости коммуникации. Не менее существенно формирование социально активной коммуникативной личности, обладающей коммуникативной и коммуникационной компетенциями, что должно способствовать адекватному подходу в ситуации выбора между позициями «рискофила» и «рискофоба», принадлежности к определенному коммуникативному сообществу, преодолению коммуникативной маргинальности.

Аспирантка кафедры теоретической и социальной философии Ж. О. Посунько попыталась связать коммуникативный подход с восприятием террористических рисков. По ее мнению, характерной чертой современности становится то, что

террористические организации представляют собой сеть, окутывающую глобальный социум. Они представляют негосударственную (частную) военную оппозицию существующему социальному порядку и легитимной власти. Символическая борьба, направленная на изменение восприятия социального мира, выражается через действия, цель которых – заставить увидеть или оценить определенные реалии определенным образом. На индивидуальном уровне это проявляется в манипулировании собственным образом для создания того или иного представления о себе и своем социальном статусе. Общественная реальность создается словами и названиями, поэтому от ее восприятия во многом зависит ее сущность. Дело в том, что агенты воспринимают социальный мир сквозь призму структур восприятия и оценивания, которые внушаются им в ходе социализации на всех этапах личностного развития, в том числе и на стадии вторичной социализации. А это значит, что, изменяя структуры восприятия и оценивания, мы можем изменять социальный мир. Право производить это символическое насилие завоевывается в ожесточенной социальной борьбе, направленной на захват как физического, так и социального пространства. Соперничество за право обладания пространством может обрести различные формы, в том числе и террористических акций.

Анализу места экономических рисков в современном обществе был посвящен доклад аспиранта кафедры теоретической и социальной философии Д. С. Федина, представившего жизнедеятельность общества строго детерминированной экономическими условиями. Социально-политическая активность субъекта действия, в свою очередь, обуславливается материальными интересами и потребностями. В этой связи экономика как материальное выражение потребностей и интересов человека представляет интерес для данного исследования. Современная экономика постулирует набор определенных норм и правил как единственно правильный образ действий для всего мирового экономического пространства. В докладе приводится типологизация проявлений институционального риска в экономической сфере, которая не ставит задачу раскрыть всю сущность рискогенности экономических явлений в обществе, но способна подчеркнуть и определить те аспекты, которые оказывают деструктивное воздействие на процессы деформации личностного бытия. Исследование проявлений институционального риска на экономическом уровне более четко обозначило связь экономики с политической и социальной сферами общества в контексте рискогенной проблематики.

В заключение профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев, руководившей работой круглого стола, отметил важность подобных

мероприятий для дальнейших исследований в области философского осмысления риска. Несомненным преимуществом философии в постижении риска, по сравнению с конкретными эмпирическими науками, является нацеленность на рассмотрение сквозь призму категории ценности, внимание к феноменам амбивалентного человека в пространстве риска. Политология, экономика, социология и другие дисциплины преуспевают в развитии количественных методов оценки риска, тогда как философия стремится представить его как уникальный и многогранный социальный феномен. На современном этапе

становится очевидным, что ни одна наука, в том числе и философская, не способна увидеть картину общества риска во всей ее полноте, поэтому наиболее эффективным в данной связи представляется междисциплинарный подход.

Часть докладов круглого стола вошла в сборник, вышедший по итогам конференции «Математическое моделирование в управлении рисками», помимо этого планируется публикация сборника материалов круглого стола.

Д. М. Соколова,
аспирант философского факультета
Саратовского государственного университета